

УДК 821.161.1

Сизых О.В.*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
(республика Саха (Якутия))***ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА МЕТАФОРЫ «КАЗАНСКИЙ ВОКЗАЛ»
В ОДНОИМЕННОМ РАССКАЗЕ Ю.В. БУЙДЫ**

Аннотация. В статье рассматривается доминирующая метафора рассказа Ю.В. Буйды «Казанский вокзал», олицетворяющая кризисное время в России 1990-х годов. Обозначена семантическая структура метафоры и определена её онтологическая парадигма. Казанский вокзал автор рассматривает как уникальный исторический центр, вобравший в себя революционные события, кардинально изменившие судьбу России. Нравственная деформация бытия человека осмыслена через соотнесение современной истории с образом Христа как Спасителя рода людского. Выявлены функции метафоры «Казанский вокзал», раскрывающие вечное фундаментальное противоречие человечества: «тело, плоть – душа, дух».

Ключевые слова: метафора, онтологическая проблематика, Москва, Казанский вокзал, Ю.В. Буйда.

O. Sizykh*Ammosov North-Eastern Federal University
(The Republic of Sakha (Yakutia))***AN ONTOLOGICAL PARADIGM OF THE METAPHOR OF «KAZAN RAILWAY
STATION» IN THE Y. BUIDA'S STORY WITH THE SAME NAME**

Abstract. The article examines the dominant metaphor of the Y. Buida's story «Kazan Railway Station», that embodies time of crisis in Russia of the 1990s years. A semantic structure of the metaphor has been denoted and its ontological paradigm has been defined. The author views Kazan Railway Station as a unique historical «center», which absorbed the revolutionary events, that radically changed the fate of Russia. The human being deformation has been interpreted through correlation of the modern history with the figure of Christ, the Saviour of the human race. The functions of the metaphor «Kazan Railway Station» expose the eternal fundamental contradiction of the mankind «body, flesh – soul, spirit».

Keywords: metaphor, ontological paradigm, Moscow, Kazan Railway Station, Y. Buida.

Об актуальности избранной темы свидетельствует исследовательский интерес представителей различных наук к процессу метафоризации действительности: филологов [5, 6, 23], философов [1, 11, 19, 20], культурологов [7, 10], пытающихся выявить способы концептуализации мира, прокомментировать духовные ценности и осмыслить исторические условия жизни современного человека.

Начиная с 1990-х годов, критика отмечает уникальность стиля Ю.В. Буйды. Исследователь современной литературы М. Ремизова в рецензии на книгу пи-

сателя «Апокрифы нового времени» особо обращает внимание на функциональный аспект метафоры, которая в сочетании с «натурализмом разрастается до размеров фантастики» [16]. Е. Горшкова говорит о склонности прозаика к экспрессии, которую видит в смешении реалистического и фантастического, анализирует «географическое мышление» художника [3]. Критика 2000-х годов приходит к выводу о главенстве изображающего слова Ю.В. Буйды в писательском стиле [9, 18, 21].

В авторском сборнике «Жунгли» [2] Ю.В. Буйда обращается к теме России и русского народа. В рассказе «Казанский вокзал», входящем в указанную книгу, представлена попытка автора разобраться в парадоксальных жизненных ситуациях через метафору, отражающую специфическое восприятие действительности. Исследование метафоры «Казанский вокзал» позволяет выявить её онтологическую парадигму, включающую опорные концепты: «вокзал – дом – бытовка», «типичный человек – бродяга – спаситель».

Ю.В. Буйда рассказывает о судьбе людей, оказавшихся на дне жизни, фиксируя время действия – 1990-е годы – и связывая существование персонажей с соответствующей ему (времени) российской историей.

Обозначим ключевые моменты онтологической парадигмы метафоры «Казанский вокзал», связанные с точными сведениями о столичной реалии.

Во-первых, фиксация места пребывания героев рассказа – Казанский вокзал в Москве, имеющий собственный внутренний уклад и выполняющий функцию временного пристанища для одинокого человека. Писатель

соблюдает детали расположения вокзала в столице для воссоздания его неповторимой атмосферы движения с «нетерпеливыми прохожими».

Во-вторых, избранная траектория движения персонажей подчеркивает сложное положение страны в 90-е годы, указывая на критическое состояние экономики и обострение споров о путях развития России. Казанский вокзал является единственным из девяти железнодорожных московских вокзалов с выходом в город из метро через его перрон. Автор учитывает это обстоятельство, в деталях повествуя о направлении старика с внуком к Каланчёвской улице, а также описывая их спуск к Российскому экономическому университету им. Г.В. Плеханова, «Плешке» [2, с. 36].

В-третьих, Ю.В. Буйда предпочитает другим образам московских вокзалов образ Казанского как хранилища информации о великой революции, изменившей судьбы его творцов и реальность России. Казанский вокзал представляет собой сооружение, состоящее из многочисленных объектов, как самостоятельный городок, имеющих собственный мир, организованный по своим законам. Украшенное башней, стилизованной под дозорную «падающую» башню Сююмбике Казанского кремля, которую венчает шпиль с драконом Зилантом (изображение с древнего герба Казани), и часами со знаками зодиака на циферблате, здание вокзала воспроизводит Москву прошлых лет. Время постройки вокзала – 1913-1940 годы. Напомним, в 1914 году зодчий А.В. Шусев поручает художнику А.Н. Бенуа руководство росписью стен Казанского вокзала. События 1917 года разрушают план архитектора. Большую

часть живописно-декоративных работ завершить не удаётся [8].

Несмотря на некоторую стёртость исторической информации в образе московского Казанского вокзала (социальный разлад в стране, тяжёлое экономическое положение государства), сюжетная ситуация рассказа Ю.В. Буйды перекликается с историческими условиями его строительства. Приведённый ниже фрагмент конкретизирует историческое время: «...Синди рассказала о сегодняшнем клиенте: толстяк, пригласивший её к себе домой, называл себя “деятелем августовской революции”. На баррикады у Белого дома он пришёл со сломанной рукой в гипсе, на котором оставили свои автографы Ельцин, Руцкой, Хасбулатов и другие знаменитости» [2, с. 44]. Фамилии политических деятелей, названные автором, напоминают о горбачёвском времени. Реформами М.С. Горбачёва подорвано уважение к действующей власти, отвергнут курс «Перестройки». В 1991 году происходит вооружённое противостояние союзной власти во главе с реакционным ГКЧП СССР и республиканской во главе с правительством России. У Ю.В. Буйды это время, определяемое общественным деятелем М.В. Назаровым [13] как смутное, характеризуется глубоким социальным антагонизмом. События с 19 по 22 августа 1991 года – попытка антиконституционного переворота; период, вскрывший общественно-политический кризис России. По названной причине современный прозаик обращается к именам актуальных в то время политиков. Именно в 90-е годы на смену советским стереотипам приходят новые, среди которых «со-

циальное неблагополучие» становится ведущим [22].

В контексте выбранного исторического периода Ю.В. Буйда характеризует бытие человека через форму его нищенского существования: «Вспомнишь, как жил, и что? Три разочка вкусно поел да разок сладко поспал – и всё...» [2, с. 46]. Отметим созвучность слов современного персонажа жалобам горьковской Анны, жены слесаря Клещца, всегда жившей в нужде: «Не помню – когда сыта была... Над каждым куском хлеба тряслась... Всю жизнь мою дрожала... Мучилась... За что?» («На дне», действие второе) [4]. Литературная реминисценция сближает современную интерпретацию темы смысла жизни человека с вечной проблемой «правды о человеке», поддерживая онтологический аспект «вокзальной» метафоры.

Сотериологический мотив служит ключом к интерпретации образа Казанского вокзала. Названная реалья – пассажирский терминал станции Москва-Пассажирская-Казанская – социально интерпретирует ситуацию «хождения в народ» старика Евсея (Овсеньки) с глухонемым внуком Мишуткой и снабжает её временными атрибутами: «вечером они отправлялись <...> на платформу, у которой ждал отправления поезд на Вернадовку» [2, с. 35], «замечательна трёхчасовая стоянка в Шилове, где можно <...> в кино сходить, пока перецепляют вагоны, формируя состав на Касимов» [2, с. 35], «к полуночи они возвращались домой <...> пробирались в свои углы <...> и замирали до утра» [2, с. 35]. Так начинает формироваться семантическая структура метафоры «Казанский вокзал», которая отталкивается

от буквального смыслового источника – значения слова *вокзал*: ‘комплекса зданий, находящихся в пункте пассажирских перевозок путей сообщения, предназначенном для обслуживания пассажиров’. С развитием сюжета московская реалья «Казанский вокзал» трансформируется в метафору, вбирающую в себя проявления бытия главного героя: а) забота о внуке, б) отдых, в) наслаждение природой, г) тяготы жизни. Странствие деда Евсея становится его миротворящим принципом: ежедневные поездки способствуют оформлению отношений старика с окружающей его действительностью, шире – миром. Таким образом, онтологическая структура метафоры «Казанский вокзал» выявляется согласно смысловым зонам или слоям сознания главного героя: а) семья, б) покой как спасение души, в) естество, т. е. наличие добра в изначальной природе человека, г) быт как удовлетворение духовных и материальных потребностей соответственно. В данном случае «смысловая зона» – это семантическое образование, полученное в результате переживания персонажем жизненных ситуаций, преобразующих прямое значение реалии *вокзал* в метафорическое на основе собственных представлений о нормах жизни.

Словом *вокзал* Ю.В. Буйда подчёркивает мотив временного пребывания человека на земле. Идея тотального разрыва родства между близкими людьми заявлена с самого начала повествования: «Сын привёз Овсенюку в Кандаурово лет тридцать назад. Спустя год после переезда старуха умерла <...> Когда умер и сын, Овсенюкино одиночество стало полным» [2, с. 34]. Вокзал оказывается местом, где со-

бираются бездомные, в т. ч. имеющие нелады с родственниками. Бесприютность души героя вынуждает его курсировать от одной московской станции к другой.

Человек Буйды формально живёт в квартире, стремительно уходя из неё на вокзал, чтобы снова возвратиться: «... осторожно приоткрыл дверь. Предусмотрительно смазанные с вечера петли не выдали его (Евсея. – О. С.) <...> Вниз они (Евсей и внук. – О. С.) спустились по лестнице: старик боялся лифта. Прошли вдоль стены дома – быстро, вжимая головы в плечи и не оборачиваясь, чтобы не приманить недобрый взгляд» [2, с. 33]. Ежедневная поездка в Москву, как к сакральному центру с «добрыми людьми», езда в метро от станции к станции отражают стремление героя к другой жизни, где есть место добросердечию, любви и уважению людей друг к другу. «Побег» старика из квартиры, в которой находится «пившая запоями внучка», происходит регулярно. Его полуночное возвращение домой обусловлено ежедневным ожиданием прихода Спасителя человечества от власти греха.

Архаическая семантика мифологии возвращения подробно исследована Т.Л. Рыбальченко [17]. Исследователь приходит к выводу об изменении сознания человека в посттоталитарном обществе, что проявляется в изменении ценностных отношений центра и периферии, «в снятии семантики возвращения как свидетельства обретенных ценностей и восстановления нормы» [17]. Речь идёт о русской реалистической прозе второй половины XX века. В прозе Ю.В. Буйды морально-этические отношения центра-периферии также оказываются дефор-

мированными. Современный прозаик подчёркивает круговое движение Евсея, не теряющего надежды на спасение души в пространстве Москвы и близ неё именно по вышеназванной причине. Вместе с Евсеем по городской территории кружит милиционер Алёша Силис. В отличие от деда, он не верит в появление Спасителя: «Жена во сне всхлипнула, забормотала, и сердце Алёши болезненно сжалось от любви и жалости к ней, к Мишутке, к дураку Овсенюке, к себе, наконец, к миру, которому уже не дожидаться Спасителя» [2, с. 56]. Обречённый на бездетность, Силис лишён жизненной перспективы. Он желает решить вопрос о смысле жизни, но не может: «Затягиваясь сигаретой, тупо смотрел на тусклое зарево, поднимавшееся в небо над Москвой и слабо шевелившееся, и ему казалось, что там живёт и шевелится огромное и беспокойное животное, сам факт существования которого отравляет мир и бесстыдно напоминает о древней, дочеловеческой тайне жизни» [2, с. 55]. В жизни семейства Силис сверхчеловек-спаситель так и не появится.

Соотнесённость современной истории с библейским образом Христа заостряет вечную проблему нравственного здоровья социума. Ю.В. Буйда делает акцент на мотиве греховного общества, которое словно изгоняет Бога. Алёша Силис «так пока и не понял, зачем ему этот самый Бог... Он подозревал, что настоящий Бог существует, но это такой Бог, которого человек ни за что не пустит в свою жизнь с будильником, зарплатой и премией, с газетами и тёплым туалетом, выпивкой и телевизором. И если Он и явится, его и впрямь не узнают» [2, с. 55]. По мнению автора, ход человеческого бытия

без Бога обречён. В сознании Алёши традиционное отношение к священному библейскому образу оказывается зеркально «перевернутым»: «Христос был преступник, нищий и еврей, то есть трижды гад... Если и явится, Его или прибьют по пьянке, или по тюрьгам замотают...» [2, с. 55-56]. Подобная перекодировка канонического образа Христа как Спасителя человечества в образ преступника свидетельствует об угасании ценностных критериев существования.

Постоянное отрицание Мессии усиливает необходимость возвращения человечества к Христу. Даже в обидчике Евсеем мерещится божественное: «Лик-то у него какой... Иисус Христос прямо, и строгий такой же» [2, с. 39]. По мнению Ю.В. Буйды, существование человека без Бога бессмысленно и ведёт к злодейству. Отсутствие моральных ценностей порождает в обществе вседозволенность и жестокость: «Мишутка дёрнул старика за рукав, но Овсенюка и сам уже услышал приближающуюся со двора машину... – В сортир Москву превратили, – проговорил он (мужчина из дорогого автомобиля. – О. С.), смерив Овсенюку взглядом. – Огнемётком надо выжигать, как тараканов... Первый удар пришёлся в ухо... второй в грудь» [2, с. 39-40]. Возраст старого человека не останавливает успешного мужчину. Указанная ситуация свидетельствует о дегуманности социума. Скинхеды издеваются над стариком, предлагая ему посмотреть на себя в зеркало, вместо которого показывают фотографию пса. Исследователь Н.П. Хрящева [24, с. 72], анализируя другой рассказ из сборника «Жунгли», отмечает несовместимость образа жизни героев

Ю.В. Буйды с человеческими нормами. По мысли учёного, происходит смерть человека, сотворённого по подобию Божьему.

Близ вокзала располагается вагончик-закусочная (бытовка) некой Пиццы. Завсегдатаи этого заведения затевают разговор о жизни. Разворачивающийся диспут о Христе-спасителе напоминает философский спор о человеке, совести, чести, который ведут персонажи пьесы М. Горького «На дне». Причиной полемики казанских сирот становится смерть одного из бродяг – Громобоя, ожидавшего явление Бога: «Шёл на платформу и ждал поезда, на котором Бог приедет. Иисус Христос... Стоит на платформе, весь как на иголках, прыгает на своём костылике, шею тянет – ждёт. Христа – с поезда! Пассажир Христос!» [2, с. 50]. В споре принимает участие Овсенька: «Это не мы Бога, а нас Бог будет искать и найдёт обязательно. Как же мы Его не узнаем, если Он придёт нас спасти? Узнаем, конечно. Он либо знак подаст... Либо ещё как...» [2, с. 50]. Нянчась с глухонемым внуком, старик сам является спасителем, исполняющим завет матери, родившей Мишутку. Мотив материнского заветования – дитя произведено на свет для счастливой жизни – актуален для сюжетных ситуаций военной прозы, связанных с массовой гибелью людей. Так, например, в рассказе А.П. Платонова «Седьмой человек» [14, с. 49] (написан в 40-е годы) драматические обстоятельства Великой Отечественной войны связаны с мотивом неудавшегося спасения души. Указанный мотив переплетается с мотивом потери семьи, означающим духовную смерть героя. Современный разговор о Хри-

сте становится созвучным мысли писателя XX века о духовном исчезновении человека в ситуации распада семейных связей.

В онтологический спор о спасении людей включается «русский человек» с «гордым именем» Иван, которого уберегли от гибели проститутки, затащив в вагон Пиццы: «А когда русский человек про это (веру, Бога. – О. С.) говорит? На бегу, в пивнушке, по пьянке, впопыхах – милое дело!.. Братцы! Конечно, спасёмся. В говне по уши живем, бездельничаем – это правда... недостойны. Но ведь были бы достойны – тогда кому Бог нужен? Достойным Бог не нужен... Русь никогда ничего не делала, да по-настоящему, как в книгах, никогда и не верила, а спасалась, и мы спасёмся!..» [2, с. 51]. Мотив богочеловека соотносится с образами странника Евсея и богатыря-Громобоя и создает в рассказе метатекст жизни, судьбы человека и могучей России, имеющей духовный потенциал.

Образ главного героя Евсея восходит к специфическому в русской литературе образу юродивого. Мироустроительные ценности старика Овсеньки заключаются в одной из черт русского национального характера – юродстве, воплощая «русскую странность» [12, с. 18]. Герой ходит быстро, «вжимая голову в плечи», не оборачиваясь, «никогда ни с кем не спорит», «легко соглашается», бродит по Каланчёвке, катается в метро; имеет «взгляд боязливый, но ласковый» [2, с. 40]. Данный культурно-психологический тип героя (не религиозный, т. к. исключается подвиг во имя Христа) появляется в нестабильное для страны время [12], обнаруживая связь с исторической формой юрод-

ства – «способом духовного спасения и достижения истины» [25]. В отличие от древнерусской формы подвижничества, юродивый Ю.В. Буйды нарушает законы бытия. Герой демонстрирует разорванность родственных скреп между родными людьми в противовес закону взаимосвязи всего сущего в мире, иллюстрирует нравственную деградацию общества, нарушая закон развития мира, обеспечивающего его совершенствование.

В метафоре «Казанский вокзал» отражено представление Ю.В. Буйды о мире и человеке. Образ Казанского вокзала олицетворяет опасность. Недалеко от этого места постоянно что-то происходит: умирает бродяга по прозвищу Громобой, «рослый парень в долгополом пальто» [2, с. 39] избивает Овсенюку, в метро «компания подростков в кожаных курточках с заклёпками и бахромой» [2, с. 40] подымают на смех старика, сестры-проститутки Синди и Барби спасают мужчину с проломленной головой. Около Казанского вокзала находится закусочная Пиццы, «известная вокзальному люду» [2, с. 37], аллегорично отсылающая к ночлежке Михаила Костылева («На дне»): «Этот домик на колёсах, когда-то служивший строителям бытовкой, время от времени перетаскивали с места на место, чтобы не мозолил глаза разным начальникам, но вскоре он возвращался к облупившейся стене, на пяточок...» [2, с. 37]. В горьковском подвале, похожем на пещеру, обитатели доживали отмеренную Богом жизнь: ели, спали и рассуждали о существовании человека на земле. В притоне Пиццы «можно было выпить и закусить на свои, погреться, взять напрокат костыли или ребёнка для сбора подаяния. Сходи-

лись здесь, разумеется, свои – чужим, особенно ночью, сюда было лучше не соваться» [2, с. 37]. Фрагмент словно воскрешает особый мир ночлежки из пьесы М. Горького. Отметим, что в июле 2013 года в Нижнем Новгороде прототип ночлежного дома из драмы «На дне» продан на торгах за 160, 563 миллиона рублей. Ночлежный дом, готовый приютить 700 неимущих человек, построен в 1880-1885 годах купцами Бугровыми [15]. «Литературный потенциал» вагончика Пиццы усматривается лишь в пространстве текста «Казанского вокзала», автор которого переносит ряд качеств горьковских персонажей на своих героев, объясняя их поступки. Действующие лица горьковской пьесы несколько трансформированы, но в целом их перечень совпадает. Имеются: странник Евсей, путешествующий по Москве, словно Лука, «полицейский» – милиционер Алёша Силис, следящий за порядком на своем участке. Слова Силиса: «Про Громобоя слышали? Помер. Целый день на тротуаре провалялся, только сейчас за ним выехали» [2, с. 47] прямо соотносятся с разговором Луки и Медведева:

Лука: ... а разве можно человека эдак бросать? Он – каков ни есть – а всегда своей цены стоит...

Медведев: Надзор нужен! Вдруг – умрёт? Канитель будет из этого... Следить надо! (акт первый) [4].

Богатый мужчина с раненой головой напоминает Барона, живущего прошлым (прототипом Горькому послужил дворянин Бухгольц [15]). Пицца, «ловко собиравшая на стол» в вагончике, обнаруживает сходство с торговкой пельменями Квашнёй, хозяйничающей «за столом, у самовара»

[4]. Татарин превращается в весёлых «татар-носильщиков» [2, с. 37]. Выявленное совпадение поддерживает онтологическую парадигму метафоры «Казанский вокзал». Отмеченное М. Горьким разложение человека свидетельствует об изменении статуса «человек». В рассказе Ю.В. Буйды бытийное раскрывается через бытовое, временное, преходящее. Тело бездомного Громобоя не замечают люди, привыкшие к бродяжничеству, которое стало массовым явлением. Авторский акцент на данный тип героя (Тамарища – ещё один бомж, алкоголичка, собирающая пустые бутылки) указывает на время социальных потрясений. По мнению прозаика, для кризисного процесса России характерно моральное нездоровье общества.

Таким образом, условием формирования метафоры «Казанский вокзал» является взаимодействие героя с миром в процессе перемещения по столице, за счёт которого у него формируется опыт замены отсутствующих семьи и душевного покоя ежедневными поездками в Москву. Онтологическая парадигма метафоры «Казанский вокзал» включает концепты «вокзал – дом – бытовка», «типичный человек – бродяга – спаситель» и обобщает установки мировидения человека, которые, в свою очередь, определяют формы его бытия. Исходным положением парадигмы выступает временность пребывания человека на земле. В контексте разговора о Спасителе человечества образ вокзала раскрывает культурную деградацию современного общества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бритвин Г.Е. Динамика представлений о символе в психоаналитической традиции: дисс. ... канд. филос. наук. – М., 2011. – 165 с.
2. Буйда Ю.В. Жунгли. – М.: Эксмо, 2010. – 384 с.
3. Горшкова Е. Не такое уж тёмное царство: О творчестве Юрия Буйды // Октябрь. – 2011. – № 11. – С. 174-178.
4. Горький М. На дне [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.klassika.ru/read.html?proza/gorkij/nadne.txt&page=3> (дата обращения: 21.11.2013).
5. Житнев А.А. Порождающие модели и художественная практика в поэзии неомодернизма 1960-2000-х годов: дисс. ... д-ра филос. наук. – Воронеж, 2012. – 565 с.
6. Егорова А.В. Концептуальное поле времени в русской языковой картине мира: дисс. ... канд. филос. наук. – Москва, 2012. – 260 с.
7. Ионесов В.И. Модели трансформации культуры: Типология переходного процесса: дисс... д-ра культуролог. наук. – СПб., 2012. – 372 с.
8. История Казанского вокзала [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.story-stimot.ru> (дата обращения: 21.11.2013).
9. Копырина Е.В. Интертекстуальность в творчестве Ю. Буйды: взаимодействие претекстов и их языковые маркеры в рассказе «Красная столовая» // Вестник Балтийского федерального университета им. Канта. – 2009. – № 8. – С. 30-36.
10. Лавренова О.А. Семантика культурного ландшафта: дисс. ... д-ра культуролог. наук. – М., 2010. – 371 с.
11. Макаров А.И. Феномен надындивидуальной памяти: стратегии концептуализации и онтологический статус: дисс. ... д-ра филос. наук. – СПб., 2011. – 265 с.
12. Мотеюнайте И.В. Восприятие юродства русской литературой XIX-XX вв.: дисс... д-ра филос. наук. – Великий Новгород, 2007. – 330 с.
13. Назаров М.В. Историсофия смутного времени [Электронный ресурс]. – URL:

- <http://apocalypse.orthodoxy.ru/secret/13.htm> (дата обращения: 21.11.2013).
14. Платонов А.П. Собр. соч. в 3-х т. – М.: Сов. Россия, 1985. – Т. 3. – 576 с.
 15. Прототип ночлежки из пьесы «На дне» продали на торгах [Электронный ресурс]. – URL: <http://realty.lenta.ru/news/2013/07/24/nadne/> (дата обращения: 21.11.2013).
 16. Ремизова М. Сотворение мира // Независимая газета. – 1993. – 22 мая.
 17. Рыбальченко Т.Л. Ситуация возвращения в сюжетах русской реалистической прозы 1950-1990-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Серия «Филология». – 2007. – № 1. – С. 58-82.
 18. Рытова Т.А. Поэтика погружения современности в историческое и мифологическое прошлое в романе Ю. Буйды «Кёнигсберг» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. – 2005. – № 7. – С. 235-254.
 19. Саенко Н.Р. Концептуальные интерпретации нигитологии культуры: дис... д-ра филос. наук. – СПб., 2012. – 342 с.
 20. Счастливецва Е.А. Феноменологическая традиция в русской философии конца XIX – первой половины XX века (историко-философский анализ): дисс. ... д-ра философ. наук. – М., 2012. – 266 с.
 21. Толмачева Е.В. Интертекстуальные связи романа Ю. Буйды «Борис и Глеб» со «Сказанием об убиении Даниила Суздальского и начале Москвы» // Вестник Балтийского федерального университета им. Канта. – 2011. – № 8. – С. 96-100.
 22. Ужегова З.А. Образ «новой» России на Западе: По материалам американской и британской прессы: дисс. ... канд. культуролог. наук. – М., 1999. – 228 с.
 23. Фролова Т.Г. Эволюция метафорического стиля на рубеже XX-XXI веков: дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2012. – 201 с.
 24. Хрящева Н.П. По страницам прозы – 2008 // Филологический класс. – 2009. – № 22. – С. 70-72.
 25. Янчевская К.А. Юродство в русской литературе второй половины XIX века: дис... канд. филол. наук. – Барнаул, 2004. – 195 с.